

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОСТИ СЛОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ ЗООНИМОВ)

© 2006 А.В. Самарин

Воронежский государственный университет

В кругу вопросов, связанных с исследованием публицистических текстов, вопрос о взаимозаменяемости существительных можно считать одним из основных, поскольку именно взаимозаменяемость слов обеспечивает целостность и связность текстов. Изучаемые нами слова, входящие в лексико-семантические группы (ЛСГ) “насекомые”, “животные” и “птицы”, составляют обширные лексические ряды широко употребительной лексики.

В силу своей широкой употребимости, изучаемая лексика встречается во всех жанрах журналистики: информационных, аналитических и художественно-публицистических (по функциональной типологии жанров М. Н. Кима) [9]. Жанровый вид, его основные разновидности, предмет отображения, целевая функция и методы работы с информацией, применительно к изучаемым нами ЛСГ, представлены в таблице (см. табл. 1).

По нашим наблюдениям, наименования животных, птиц и насекомых наиболее часто встречаются в текстах художественно-публицистического жанра. Их особенность состоит в том, что в них “соединяются репортажное (наглядно-образное) и исследовательское (аналитическое) начало” [21, 240]. Кроме того, через их восприятие, осмысление, происходит информационное воздействие на человека. Как известно, “нехудожественные тексты характеризуются установкой на однозначность восприятия” [2, 133]. В них особенно важна логико-понятийная, объективная сущность фактов, явлений. Функция такого текста — коммуникативно-информационная. Однако, как отмечал В. М. Горохов, “использование методов познания в журналистике подчинено иной, нежели достижение абстрактной истины, цели. В журналистике истина не завершающий этап творческого процесса, а необходимое условие эффективного воздействия на аудиторию, важнейший, принципиальный момент в отношениях между журналистикой и сознанием масс” [5, 72].

В произведениях художественно-публицистического жанра за конкретным, жизненным материалом всегда присутствует подтекстный, многомерный

план, который и оказывает воздействие на эмоциональную сферу человеческой личности через призму видения конкретного автора.

Существует мнение, что “современному очерку чаще всего свойственна документальная насыщенность, часто — в ущерб художественности” [21, 241]. Однако следует отметить, что художественно-публицистические тексты, в которых используются наименования животных, насекомых и птиц, обладают достаточной художественностью и нередко строятся по законам ассоциативно-образного мышления. Восприятие и осмысление конкретного текста начинается с опознания внешней формы отдельных слов, связывание с их значениями, хранящимися в его памяти, что приводит к формированию образа, стоящего за словом.

Любой публицистический текст характеризуется связностью, которая проявляется через “внешние структурные показатели, через формальную зависимость компонентов текста” [2, 43], и целостностью, “которая усматривается в связи тематической, концептуальной” [Там же]. В этой связи на материале вышеуказанных ЛСГ нами были изучены разноуровневые отношения между словами типа “выше — ниже”, “общее — частное” (по терминологии Дж. Лайонза, которому принадлежит приоритет в изобретении термина “гипонимия”, (гипероним — гипоним) [11, 58].

Гипонимия в языке — это иерархическая организация его элементов, основанная на родо-видовых отношениях, которые, как отметил Ю. С. Степанов, относятся к числу системных и в целом универсальных, ибо с их помощью речемыслительный процесс человека получает возможность “уменьшить область неопределенности” [20, 51]. Гипонимия как родо-видовое отношение представляет собой включение семантически однородных единиц в соответствующий класс наименований. Слова, соответствующие видовым понятиям (например, “зяблик”, “страус”, “воробей” и др.), выступают как гипонимы по отношению к слову, соотносящемуся с родовым понятием (“птица”) — гиперониму, и как согипонимы по отношению друг к другу.

Табл 1. Основные разновидности жанровых видов текстов, включающих наименования насекомых, животных и птиц (по М. Н. Киму [9] с изменениями и дополнениями автора).

Жанровый вид и его разновидности	Предмет отображения	Целевая функция	Метод работы с информацией
Информационный жанр (заметка, информационное сообщение, репортаж и т. д.)	Реалии различных сфер жизнедеятельности людей, так или иначе связанных с представителями фауны; реальные события, поддающиеся непосредственному наблюдению	Информирование об актуальных фактах, событиях, явлениях	Различные виды наблюдения; интервьюирование людей, связанных непосредственными коммуникативными отношениями с животными
Аналитический жанр (статья, комментарий и т. д.)	Действительность в ее сущностных проявлениях	Формирование универсальных представлений, практически приложимых в условиях разрешения определенной ситуации; расширение знаний об окружающем мире	Анализ и оценка конкретной ситуации, связанной с антропоцентрической точкой зрения на живую природу
Художественно-публицистический (очерк, зарисовка, житейская история и т. д.)	Определенные характеристики живой реалии, истории взаимоотношений (конфликтов, контактов) между человеком и животными	Художественное отображение конкретной ситуации; формирование ноосферного отношения человека к живой природе	Анализ документальной и визуальной информации, интервью с людьми, непосредственно наблюдавших живые реалии

Семантические отношения согипонимов — это отношение элементов одного класса. Гипонимы включают в себя смысловое содержание гиперонима и противопоставляются друг другу соответствующими дифференциальными семами. Значение слова-гипонима (видовое понятие) богаче семантическими признаками, чем слова-гиперонима (родовое понятие). В связи с этим, по мнению В. А. Гречко, “гипонимия рассматривается и как разновидность родовидовой квазисинонимии, или как родо-видовая замена слов” [6, 24].

Концепты (“концепт — это образ, отражение действительности”, по определению Н. И. Жинкина [8, 53]), стоящие за словами — наименованиями представителей фауны, можно представить как последовательный ряд все более абстрактных образов, “входящих” один в другой, например, *капустница* — это *бабочка*; *бабочка* — это *насекомое*; *насекомое* — это *животное*.

Следует отметить, что в публицистических текстах слова *птица* или *насекомое* практически никогда не заменяются словом *животное*. Для носителей русского языка слово *животное*, как показали наши исследования [17], ассоциируется с представлением о чем-то “четыреглапом”, “покрытом шерстью”. Концепты “*птица*” или “*насекомое*” не содержат в себе эти признаки. Как слово с наиболее широким значением, то есть как понятие, объединяющее наибольшее количество разновидностей живых объектов, слово-гипероним *животное* в текстах заменяет

только те гипонимы, за которыми “видятся” вышеуказанные признаки:

“*Собаке надо гулять не меньше двух раз в день. Животное должно находиться на улице не менее получаса*” [1].

По своему “основному назначению” — объединять разнообразные живые объекты — слово-заместитель *животное* используется в том случае, если необходимо обобщить слова, входящие в различные ЛСГ:

“*В Бакинском зоопарке несколько тысяч экземпляров животных: рыбы и лягушки, жабы и ящерицы, тигры и медведи, олени и кабаны, кайманы и змеи; жуки и пауки; птицы, начиная от пеликана размерами с индюка и кончая крохотными хрупкими колибри; полсотни обезьян, муравьеды, тигровые кошки и оцелоты*” [3].

Наиболее часто в текстах художественно-публицистического жанра слова — родовые имена заменяют слова — видовые термины. Причем, если слова-видовые термины входят в центр ядра ЛСГ или тяготеют к нему, то замена в тексте осуществляется с двумя целями: во-первых, с целью избежания повторов:

“*Столь же сообразительны и вороны. Н. Митрофанова из Тамбова пишет, как птица воровала мясо из кастрюли, выставленной на балкон*” [12].

Отметим, что родовой термин *птица*, имеющий более широкое значение и меньшую степень образной составляющей по сравнению с видовым именем, идет в тексте за словом *ворона*. Употребление гиперонима ни в какой степени не детализирует образ, не до-

бавляет указанной живой реалии дополнительные признаки. Но и не подменяет концепт “ворона” концептом “птица-вообще”. Здесь *птица* — это именно упоминавшаяся ранее *ворона*.

Во-вторых, отношение родовое имя — видовой термин часто возникает при условии существования нескольких слов, означающих виды живых организмов, с одной стороны, и слова более широкого значения, объединяющего их — с другой:

“Весной времянку начали во множестве посещать мокрицы, пауки и тараканы. Насекомые приводили мать и дочь в ужас, но жить больше было негде” [7].

Или: *«Дуэйн Габлер из департамента здравоохранения США пишет: “Возбудителями большинства болезней, сопровождающихся лихорадкой, являются микроорганизмы, переносчиками которых служат мухи, комары, москиты, блохи, вши. Болезни, передающиеся через насекомых, в период с 17 в. до начала 20 в. привели к смерти большего числа людей, чем все другие причины, вместе взятые”* [4].

Родовой термин опять же употребляется вслед за видовыми. Образная составляющая слов *мокрицы, пауки и тараканы* и т. д. не изменяется, но и упоминание слова *насекомое* не расширяет количества видов. Слово объединяет и заменяет только упоминавшиеся ранее разновидности. Отметим, что в рассмотренном примере автор относит *пауков к насекомым*, что противоречит научному представлению о них [16], здесь раскрывается «наивная» картина мира, что свойственно именно художественным текстам.

Как правило, родовое имя — всегда заменитель видового. Но бывает и так, что под родовым именем не “видится” никакого видового термина. В этих случаях при работе с текстами мы сталкиваемся с таким явлением, как неспособность слов к замещению из-за ряда прагматических ограничений.

Неспособность слова к замещению, по мнению Р. И. Розиной, может быть связана “с расхождением оценочных компонентов замещаемого и замещающего слова” [15, 71]. Например, слово *бабочка* определяется в словаре через слово *насекомое*, однако прямое замещение слова *бабочка* на слово *насекомое* в тексте представляется невозможным. Для носителей русского языка слово *бабочка* ассоциируется с представлением о чем-то красивом, изящном. Чувственная составляющая концепта «бабочка» велика. Образ *насекомого* связан с представлением о чем-то неприятном, некрасивом и, возможно, опасном. Поэтому ни слово *бабочка*, ни вызывающее ряд положительных ассоциаций слово *стрекоза* в текстах, как правило, не заменяются словом *насекомое*.

Однако, вполне допустима обратная замена: родового имени на ряд видовых терминов:

“Моя мухоловка обожала насекомых независимо от формы и размеров: бабочек, жуков, мух, тараканов — всех их ожидала одна участь, как только они попадали в клетку обжоры” [14].

Упоминание слова-гиперонима *насекомое* перед словами-гипонимами позволяет в первую очередь выстроить концепт “насекомое” с высокой степенью понятийной составляющей и характерными признаками “насекомого-вообще”, отозванными в импликацию. *Бабочка* же, наряду с другими перечисленными живыми объектами, обладает рядом несомненных признаков (*маленький размер, наличие крыльев*), позволяющих однозначно классифицировать этот образ как насекомое. Того же мнения придерживается и О. А. Корнилов, который, проведя научную и языковую энтомологические таксономии (категоризации) насекомых, считает, что слово “бабочка” входит в ядро ЛСГ “насекомые” [10].

Вообще при переходе от слова более широкого значения (родового имени) к словам более узкого (видовым именам) часто не происходит конкретизации: родовой термин объединяет не только упомянутые виды, но и множество других:

“Со двора рассмотреть птиц на кормушке трудно, они не подпускают близко, разлетаются, кто куда и ждут, пока человек уйдет. Другое дело наблюдать их из комнаты, через стекла окна. На расстоянии одного-двух метров можно часами любоваться яркими красками оперения, своеобразными движениями синиц, воробьев, снегирей, наслаждаться их щебетанием” [12].

Здесь слово *птица* предшествует словам, представляющим конкретные виды птиц. Очевидно, ряд видовых имен можно легко расширить без ущерба для смысла текста. Термин “птица” здесь употребляется как “птица-вообще”.

Следует отметить, что переход от слова с более широким значением к словам с более узким значением, как правило, возможен лишь для слов, находящихся в ядре ЛСГ. Родовой термин заменяется видовыми именами прототипических животных, в образах которых наиболее полно воплощены характерные признаки, присущие данной категории:

“Девочка пока ходит в школу, но одновременно посещает и ветеринарную академию. Она обожает животных, и готовится стать «собачьим доктором»” [19].

Проведенные нами исследования [16] показали, что *собака* — наиболее типичный представитель класса животных с точки зрения носителей русского языка. В рассмотренном примере слово *собака* с существенной степенью образной составляющей позволяет вызвать более четкий образ, поскольку само слово *животное* образности практически лишено.

Уровень лингвистической абстракции слов, находящихся на периферии ЛСГ, чрезвычайно высок, набор характерных признаков, отозванных в импликацию, минимален или отсутствует вовсе. Именно поэтому такие слова не могут заменить родовое понятие.

Сдругой стороны, замена видового имени родовым термином в словах, находящихся на периферии ЛСГ, крайне необходима для создания образа и встречается практически повсеместно. Причем замена родовым термином видового имени используется не только, и не столько с целью избежания повторов в текстах, сколько с целью повышения нулевой образной составляющей слов. Большинство концептов, стоящих за малоизвестными, редко употребляемыми словами, “выстраиваются” только после упоминания родового имени. Приведем лишь несколько примеров, поясняющих наше заявление:

“Несколько голубовато-серых *кобчиков* гонялись за насекомыми. *Птицы* делали в воздухе резкие повороты” [14].

“Урожай манго часто пропадал из-за набегов *мирикин* — обезьян, ведущих ночной образ жизни и посеивающих плантации в сумерках” [18].

Замена слов, за которыми не «видится» образ, на родовое имя (*кобчик* — *птица*; *мирикины* — *обезьяны*) значительно повышает информативность публицистического текста.

Проведенные исследования позволили сделать следующие основные выводы:

— слова, входящие в изучаемые ЛСГ, в силу своей широкой употребимости встречаются в информационных, аналитических и художественно-публицистических текстах;

— наименования животных, птиц и насекомых наиболее часто встречаются в текстах художественно-публицистических жанров. Через их восприятие и осмысление происходит информационное воздействие на человека, что повышает целевые функции текста;

— взаимозаменяемость слов обеспечивает целостность и связность текстов, формальную и тематическую связь их компонентов;

— взаимозаменяемость слов-зоонимов в публицистических текстах основана на родо-видовых (гипонимических) отношениях между ними;

— наиболее часто в публицистических текстах слова — родовые имена заменяют слова - видовые термины. Причем, если слова — видовые термины входят в центр ядра ЛСГ или тяготеют к нему, то замена в тексте осуществляется с двумя целями: во-первых, с целью избежания повторов, а во-вторых, при условии существования нескольких слов, обозначающих виды живых реалтий, с одной стороны, и слова более широкого значения, объединяющего их — с другой;

— замена видового имени родовым термином в словах, находящихся на периферии ЛСГ, крайне необходима для создания образа и встречается практически повсеместно. Причем замена родовым термином видового имени преимущественно используется с целью повышения образной составляющей слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш В. Большая прогулка / В. Барабаш // Антенна. — 2006. — 29 мая. — С. 57.
2. Валгина Н. С. Теория текста: Учеб. пособие / Н. С. Валгина. — М.: Логос, 2004. — 287 с.
3. Васильева Е. Будни зоопарка / Е. Васильева // Кировский рабочий. — 2005. — 3 апреля.
4. Веселов Е. Здоровье нации / Е. Веселов // Полярная правда. — 2005. — 14 марта.
5. Горохов В. М. Слагаемые мастерства (особенности журналистского творчества) / В. М. Горохов. — М., 1982. — С. 54.
6. Гречко В. А. Гипонимы и гиперонимы. и их функции в русском языке / В. А. Гречко. — Горький, 1977. — 126 с.
7. Дурнев С. Переселенцы / С. Дурнев // Оскольские новости. — 2006. — 4 марта. — С. 9.
8. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. М.: Наука, 1982. — 160 с.
9. Ким М. Н. Жанры современной журналистики / М. Н. Ким. — Санкт-Петербург: Издательство Михайлова В. А., 2004. — 336 с.
10. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. - М.: Книжный дом «ЧеРо», 2003. — 349 с.
11. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. - М.: Наука, 1977. — 237 с.
12. Песков В. Пишем, что наблюдаем / В. Песков // КП. - 2004. — 15 января. — С. 19.
13. Песков В. Постоять за себя / В. Песков // КП. - 2004. — 26 июня. — С. 17.
14. Песков В. Шаги по росе / В. Песков. - М.: Современник, 1977. — 356 с.
15. Розина Р. И. Когнитивные отношения в таксономии. Категоризация мира в языке и в тексте / Р. И. Розина // ВЯ. — 1994. - № 6. - С. 60-78.
16. Самарин А. В. Выявление концептов-“схем” и концептов-“картинок” в словаре и тексте / А. В. Самарин. Материалы международной конференции. — Тула: Издательство ТГУ, 2004. — С. 240-242.
17. Самарин А. В. Гипероним “птица” и его гипонимы в словаре и тексте / А. В. Самарин. Материалы IV Всероссийской конференции. - Пенза: Издательство ПГПУ, 2004. - С. 73-74.
18. Свиридов В. Живой мир джунглей / В. Свиридов — М.: Современник, 1984. — 268 с.
19. Стеклова И. П. Преемственность поколений / И. П. Стеклова // Полярная правда. — 2005. — 28 октября.
20. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. — М.: Наука, 1975. — 543 с.
21. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: Учеб. пособие / А. А. Тертычный. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 312 с.

Рецензент — Е. А. Цуканов.